
Откуда вы приходите, слова,
исполненные доброго доверья?
По-моему, оттуда, где трава.
По-моему, оттуда, где деревья.
Нам переходы света и теней
за древними лесными деревьями
покажутся резными теремами,
возникшими из света и теней.
А дальше будет глуше и темней,
и тропка лисья станет неприметной.
Она и вправду стала неприметной,
а все-таки давай пойдём по ней,
пойдём на ощупь,
ветки раздвигая.
Эге-ге-гей! Ну где же вы, слова?
«Слова, слова!..» —
вздыхают робко листья,
и тропка поворачивает лисья
туда, где в листьях прячется сова.
А может, так же прячутся слова
за пнями
и замшелыми камнями?
Слова — они, наверное, корнями,
как дерева,
уходят в глубину.
И тропка нас уводит в старину,
туда, где бродит пращур волосатый

по травам, не имеющим названья,
где снег летит, не названный еще,
поет еще не названная птица
и звезды,
у которых нет названья,
в дремучих отражаются очах.
И пращура охватывает трепет,
едва доходит до его сознанья,
какая тяжесть на его плечах.
В нем глухо пробуждается художник,
и, сладкие испытывая муки,
он ждет вас, нерожденные слова.
Он что-то удивительное лепит,
мешая краски, запахи и звуки.
Сначала это только смутный лепет,
и вдруг он превращается в слова.
Тогда травой становится трава,
а этот сумрак зыблющийся — лесом,
а этот холод падающий — снегом,
а это чудо маленькое — птицей.
И я беру из рук его слова.
Они еще звенят, как тетива
и как стрела,
что пущена из лука.
Они из цвета, запаха и звука.
На них еще не высохла роса.
В них травы отразились и деревья.
И у меня кружится голова,
пока я их несу тебе —

слова,
исполненные доброго доверья.

Древнее,
 неразгаданное пространство
 смотрит на землю
 холодно и бесстрастно.
В темных глубинах
 маленькой светлой точкой
спутник сейчас проходит
 орбитой точной.
Чтоб заглянуть
 в безвестные те высоты,
ни к чему ни двадцатый этаж,
 ни сотый.
Лучик зеленый,
 парящий в туманных сферах,
виден отчетливо
 в этих осенних скверах,
где под грибком раскрашенным
 из фанеры
утром играют в шашки
 пенсионеры,
где возле булочной
 пахнет горячей сдобой —
здесь, на земле этой будничной,
 строгой и доброй.

А помню еще —
 за звездным полетом
я наблюдал и в поле однажды
 летом.

И был он так ясен
 в поле
 под черным небом,
в поле,
 где сладко пахло
 печеным хлебом,
где и доселе
 темные эти дали
всё еще что-то помнили
 о Дедале,
смутное что-то, темное
 об Икаре,
что-то о божьем гневе,
 о божьей каре.

Там, над обрывом,
 тополи шелестели,
словно бы крылья
 в небо взлететь хотели,
словно бы крылья
 в небо взлететь пытались,
путались,
 расплетались,
 переплетались,
и за ночным овином,
 за старой ригой,

где-то за дальним лугом,
над темным логом,
все раздавалось —
прыгай, Иване, прыгай! —
все шелестело —
с богом, Иване, с богом!

Женщина, которой ничего не нужно

Что вы с собой делаете?
Что вы себе думаете?
Ничего не делаете.
Ни о чем не думаете.
Пусто засыпаете.
Пусто просыпаетесь.
Да и то лишь кажется,
будто просыпаетесь.
В накуренном зеркале —
ваши руки дремлющие,
ваши губы дремлющие,
ничего не требующие.
И кровать спальная —
будто место лобное.
Что-то в груди треснуло.
Что-то в душе лопнуло.
Под упругим свитером
все мертво-мертвенно.

Сигарета с фильтром
дымит, дымит медленно.
А много ли истрачено
того тепла женского?
Давно война кончена,
и спросить не с кого.
А вы все боль копите,
в вине горе топите —
то ли горе топите,
то ли в море тонете.
Тонете, тонете,
уже не просыпаетесь,
и лишь на дне снится вам,
что вы просыпаетесь.

К птичьему прислушиваюсь крику.
Вижу только море вдалеке.
Море ходит. Море пишет книгу.
Книгу о себе. О старике.

Сети. Сеть ошибок. Сеть сединок.
Медленно стихающий прибой.
Что такое старость? Поединок.
С берегами. С временем. С судьбой.

Днища рассыхаются у лодок.
Черный борт ракушками оброс.

Призрачность улова. Сеть уловов.
Кто кого? Неизвестно. Вопрос.

Как в корриде, перед мордой бычьей.
Та же несущественность улик.
Быть с добычей — или стать добычей.
Только это. Выбор невелик.

Только это. Прочее — подробности.
Этим и подробности полны.
Ощущенье краткости и дробности.
Напряженной сжатости волны.

Только волны. Волны, за которыми
набегают волны, в свой черед.
Это все подчеркнуто повторами.
Взад-вперед. И снова — взад-вперед.

Белый — синий. Белый цвет и синий.
Дни и годы. Годы и века.
Та же повторяемость усилий.
То же повторение рывка.

Поплавок неверен и обманчив.
По воде расходятся круги.
И тогда на свет выходит мальчик.
Он глядит на свет из-под руки.

Сети. Сеть ошибок. Сеть сединок.
Слабенькая детская рука.

Вьется леска. Длится поединок.
Лишь вода — темна и глубока.

Огонь

Печной огонь.
Ночной огонь на Трубной.
Ручной,
и неопасный потому.
А он живет
своею жизнью трудной,
и незачем завидовать ему.
Не то что в керогазах —
в паровозах
не смеет он считать себя огнем.
Он всем необходим.
Но в малых дозах.
Чтоб суп варить.
Чтоб руки греть на нем.
А у него
огромные размеры,
и, полумеры
люто не терпя,
он иногда
теряет чувство меры,
стремясь полнее выразить себя.
Его солдаты яры
и поджары.

Едва дозоры
скроются на миг —
он тут как тут.
Тогда гудят пожары.
И разговор ведется напрямик.
Одна вода,
вода его тревожит.
Она одна грозит ему бедой.
Он все урегулировать не может
взаимоотношения с водой.
Тут он молчит.
Он вынужден смиряться.
Урчит печурка.
Тлеет головня.
И все-таки воздержимся
смеяться
над видимой покорностью огня.

Надпись на камне

Джордано Бруно

Даже в малые истины
людям не сразу верится.
И хотя моя истина
так проста и неоспорима,
но едва я сказал им,
что эта планета вертится,

